

**«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» И ДУХОВЕНСТВО: РЕПРЕССИИ В
СОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ**

А.Ф. Степанов

В статье исследуются гонения на религию и церковь, массовые репрессии против верующих преимущественно в годы Большого террора в Татарской АССР. В 1929–30 гг. было закрыто 60% храмов. В 1937 г. репрессировано 35% священников, остальные изгнаны. Из репрессированных Тройкой НКВД ТАССР представителей духовенства 75% были расстреляны. В начале 1942 г. в ТАССР действовала только одна церковь и 35 мечетей (1,3% к 1929 г.).

Ключевые слова: Большой террор, Тройка НКВД ТАССР, репрессии, Татарская АССР, Православная церковь, мусульманство, закрытие храмов, духовенство

Притеснения против основного идеологического противника партии большевиков – религиозных деятелей и их объединений начались, как известно, сразу же после Октябрьской революции, причем, основной удар наносился по Русской православной церкви. В 1917 г. в Казанской губернии было 524 каменных и деревянных церкви, 242 часовни и 15 монастырей, а численность духовенства достигала 6821 человек (1550 человек в Казани и 5271 человек в 7 уездах губернии, вошедших в 1920 г. в новообразованную Татарскую АССР)¹. В ходе гражданской войны некоторые храмы (особенно домовые церкви) и монастыри были ликвидированы, погибла значительная часть священнослужителей, оставшиеся подвергались всевозможным притеснениям и нападкам со стороны официальных органов и таких «приводных ремней партии» как комсомол, Союз воинствующих безбожников и др.

На начало 1929 г. по данным партийных органов в ТАССР было 2134 мечети с 7337 членами официально зарегистрированных мусульманских общин и 4015 человек исламского духовенства, а также 630 церквей с 649 православными священниками². Уже через год около 60% всех церквей и мечетей было закрыто. В связи с этим секретарь Татарского обкома партии М. Разумов докладывал партийному активу 11 февраля 1930 г. на 4-м пленуме ОК и ОКК ВКП(б): «Заниматься их дальнейшим закрытием до посевной – не время», хотя, полагал он, «мы не откла-

¹ Журавский А. Жизнеописание новых мучеников Казанских, год 1918-й.: Матер. к истории Казанской Церкви XX в. Казань, 1995. Сб. 1. С. 106; Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 263; Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 103; Оп. 6. Д. 49. Л. 194; Д. 88. Л. 115; Оп. 13. Д. 96. Л. 295. Имеются и другие данные: в 1917 г. было 1598 мечетей и 560 церквей; другой источник указывает на 1854 мечети и 696 церквей. Наконец, по данным аппарата Президиума Верховного Совета ТАССР, до революции на территории будущей ТАССР действовало 1890 мечетей и 680 церквей.

² Из доклада секретаря Татарского ОК ВКП(б) // Стенографический отчет XIV областной партийной конференции (5–13 января 1929 г.). Казань, 1929. С. 97.

дываем, конечно, этого дела в долгий ящик»³. Параллельно с закрытием храмов шли массовые репрессии против священнослужителей и церковного актива. Основной мерой наказания были ссылка на поселение в отдаленные районы страны либо заключение в концлагеря. В те же годы «великого перелома» в Татарской АССР были окончательно закрыты все монастыри, а обитавшие в них насельники были репрессированы или изгнаны.

В последующие годы ликвидация храмов продолжалась, соответственно сокращалось и количество действующих священнослужителей всех конфессий. Так, по данным Комиссии по вопросам культов при Президиуме ТатЦИК, до 1935 г. в среднем по ТАССР закрывалось не более 40–44 молитвенных зданий; из 1854 мечетей было закрыто 623, из 696 церквей – 165, то есть всего было закрыто 788 храмов⁴. В 1935 г. наступил перелом: указанной комиссией было закрыто 94 молитвенных зданий (61 мечеть и 33 церкви), а в 1936 г. – 168 молитвенных зданий (86 мечетей и 82 церкви), или 10% всех молитвенных зданий республики. К августу 1937 г. было рассмотрено ещё 37 дел о закрытии молитвенных зданий. Всего с 1 января 1935 по 10 августа 1937 г. было закрыто 299 молитвенных зданий – 129 церквей и 170 мечетей. Позднее были закрыты ещё 133 храма. На 15 октября 1938 г. из 1854 мечетей, существовавших до 1918 г., было закрыто 872, считались действующими 982; из 696 церквей были закрыты 348, считались действующими 348. Всего было закрыто 1220 храмов⁵.

По данным Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК ТАССР в период с 1917 г. до 1 января 1936 г. была закрыта 491 мечеть, 339 церквей, всего – 828 молитвенных зданий. Официально считались открытыми на 1 января 1936 г. мечетей – 979, церквей – 437, молитвенных домов – 5, то есть всего – 1421 молитвенных зданий. Из них функционировало 1303, не функционировало – 118. Заметно сократилось число служителей культа: из 4000 мусульманских (данные на 1917 г.) к 1 января 1936 г. осталось 1555; из 2250 православных осталось лишь 484 священника⁶.

К апрелю 1937 г. в ТАССР насчитывалось 1375 религиозных объединений и молитвенных зданий⁷. Если в ноябре 1935 г. в Казани ещё действовало 17 храмов (молитвенных зданий): 11 православных (пять «тихоновских», 4 обновленческих, а также единоверческая церковь и церковь, переданная общине евангельских христиан-баптистов) храмов, а также 6 мечетей, то в мае 1937 г. в ведении Московского патриархата в городе осталось всего три православных храма (Петропавловский собор, Смоленская церковь в Козьей слободе и Серафимовская церковь, выполнявшая функции Кафедрального собора Казанской епархии). Ещё две церкви принадлежали обновленцам: Тихвинская (Кафедральный собор Казанской Митрополии) и церковь Ярославских чудотворцев на Арском кладбище, переданная властями обновленцам в 1934 г. с целью поддержать раскольников. Действовали ещё две церкви: старообрядческой Белокриницкой общины (на ул. Ленина) и нахо-

³ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 2. Д. 771. Л. 55–56; Д. 833. Л. 1–1об.

⁴ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 88. Л. 115.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2760. Л. 103; Д. 3142. Л. 1; Оп. 6. Д. 88. Л. 115.

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 49. Л. 194. В очередной раз приходится отмечать, что статистика у советских органов была явно несовершенной, даже когда это касалось данных о количестве их официальных противников.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2760. Л. 102.

дившаяся в совместном пользовании Пятницкая церковь («зимняя» её часть находилась в пользовании единоверческой общины 4-х евангелистов, «летняя» была передана общине евангельских христиан-баптистов, перешедших туда после закрытия 23 ноября 1935 г. колокольни Богоявленской церкви). Действовал также молитвенный дом для иудеев на ул. Право-Кабанной. Однако уже в октябре 1937 г. Пятницкая церковь была закрыта и превращена в тюрьму, где проводились расстрелы «врагов народа». Действовали также пять мечетей: Марджани (Первая соборная), Азимовская, Бурнаевская, Адмиралтейская и мечеть Ново-Татарской слободы (ул. М.Ямашевская). Всего при храмах Казани были официально зарегистрировано несколько более 40 священнослужителей⁸.

В 1937–1939 гг. все церкви Казани, кроме кладбищенской (на Арском кладбище), были закрыты, а оставшиеся на свободе священнослужители выведены за штат. Всего на территории ТАССР на 1 апреля 1939 г. физически сохранилось 1588 мечетей и 520 церквей, из них, как считалось, действовало 612 мечетей и 372 церквей. Между тем в большинство из них не работало из-за отсутствия священнослужителей, да и те, где велись службы, часто использовались под склады хранения сельхозпродукции. Что касается закрытых храмов, то, по официальным данным, 159 бывших мечетей и церквей использовались для хозяйственных нужд (склады и т. д.), а 817 – для культурно-просветительных целей (под школы – 438, под клубы – 382, остальные – под избы-читальни и т. д.)⁹. Закрытие и уничтожение храмов продолжалось и в последующие годы.

Вызывает, однако, сомнение, что большинство закрытых храмов использовались под школы и красные уголки, а не просто пустовали – те же партийно-правительственные документы позволяют усомниться в этом. Так, в докладной Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК ТАССР от 3 августа 1937 г. на имя секретаря Татарского обкома ВКП(б) А. Лепа сообщалось, что в 1934–1935 гг. в ряде районов республики «практиковалось использование молитвенных зданий под сыпучку хлеба, частично с согласия самих верующих, а местами и без согласия последних». Далее отмечалось, что «несколько десятков таких зданий до сего времени остались или под складскими помещениями или пустовали» и лишь «незначительная часть этих помещений были превращены под культурные учреждения». Комиссия запрашивала официального разрешения обкома на использование молитвенных зданий под склады зерна «для сохранения обильного урожая текущего года...». В ответ бюро обкома, однако, постановило «запретить занятие действующих церквей и мечетей под склады зерна как колхозами, так и госучреждениями», однако, разрешило использовать «закрытые уже церкви и мечети» в качестве складских помещений «по ходатайству общих собраний колхозников и с санкции РИКов» под склады зерна¹⁰.

Та же установка была зафиксирована в отчете проверочной комиссии Татарского ЦИКа по обследованию деятельности Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК ТАССР, в котором отмечалось, что «нигде в решениях ТатЦИКа не указывалось конкретно, под какое культурное учреждение передаётся [закрытое. – А.Ф.] молитвенное здание, в результате их употребляют под склад и другие

⁸ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 133. Л. 15, 22, 51, 67.

⁹ Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 263.

¹⁰ Решение обкома ВКП(б) было продублировано постановлением ТатЦИК от 8.08.1937. (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 131. Л. 70).

хозяйственные нужды». При этом было указано, что со стороны данной комиссии «не было надлежащего контроля за изъятием и реализацией церковных ценностей», вследствие чего на местах наблюдались факты незаконных действий». Приводился показательный пример: из закрытой в 1936 г. церкви в с. Налим Заинского района ТАССР «большая часть церковного имущества была вывезена в соседнюю татарскую деревню, а часть [имущества. – *А.Ф.*] была использована лично председателем РИКа»¹¹.

Вызывают сомнение и неизменные ссылки в партийно-правительственных документах на закрытие молитвенных зданий в соответствии с решениями собраний местных жителей. В изученной проверочной комиссией ТатЦИК документации в каждом четвёртом деле о закрытии молитвенных зданий отсутствовало точное определение кворума (соотношение количества лиц, присутствовавших на собрании по поводу закрытия молитвенных зданий, и общей численности сельских избирателей). Отмечались и другие возможности подлога. Так, «в ряде случаев» (число которых не указывалось) подписи под обращением в РИК о закрытии молитвенных зданий не были заверены сельсоветами. В других случаях подписные листы о закрытии церковью не имели какого бы то ни было заголовка, а, следовательно, могли быть составлены в ходе проведения любой из огромного множества хозяйственно-политических кампаний, буквально замордовавших советскую деревню с конца 1920-х гг.¹²

Примеров «бюрократического отношения к верующим» со стороны местных властей в документах, не предназначенных для широкой публики, в те годы приводилось немало. Так, Атнинский РИК 13 января 1937 г. постановил закрыть мечети сразу в четырёх деревнях на основании выписок из протоколов заседаний сельсоветов, утвердивших решения общих собраний их жителей. Однако бросалось в глаза более чем скромное число присутствовавших: 14 человек (д. Кулле-Кими), 5 человек (д. Коморгузя) и т. п.¹³ Известны и другие бюрократические уловки. Тельмановский райисполком предложил православной общине с. Селенгуши произвести ремонт церкви. Ремонт был выполнен удовлетворительно, что и было зафиксировано соответствующей комиссией в акте о приёме. После этого райисполком 27 января 1937 г. вынес «неожиданный» вердикт: «Церковь закрыть и возбудить ходатайство перед ТатЦИКом об утверждении» данного решения. В проекте постановления ТатЦИКа от 27 февраля 1938 г. «О состоянии проведения в жизнь законодательства о культурах в Первомайском, Тельманском и Кузнечихинском районах» отмечалось, что «в с. Селенгуши Тельманского района в течение одного года были посланы 4 (!) технические комиссии для осмотра здания церкви. Последняя комиссия признала, что вся работа по ремонту произведена удовлетворительно. Несмотря на это, Тельмановский РИК вынес постановление о закрытии церкви «за невыполнение ремонта». Констатация нарушения закона вовсе не означала восстановление справедливости. На том же заседании Культкомиссия ТатЦИК постановила удовлетворить ходатайство Тельманского РИКа о закрытии церкви с. Селенгуши «за невыполнение распоряжения о ремонте по акту техниче-

¹¹ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 3142. Л. 1, 4–5.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 2760. Л. 107. Как свидетельствуют документы, в 1920-х – 30-х гг. закрытие молитвенных зданий под предлогом их ремонта являлось одним из основных (если не основным) методов ликвидации храмов и церковной жизни прихода.

ской комиссии от 12 сентября 1937 года к установленному сроку, т. е. к 1 декабря 1937 года Здание пустующей с 1934 года церкви передать под школу взрослых. Предложить Тельманскому РайФО при приеме имущества церкви учесть расхищенные ценности из церкви по вине общины верующих и принять меры к возмещению их стоимости»¹⁴.

Одним из наиболее распространённых методов административного подавления религиозной жизни являлось закрытие молитвенных зданий под предлогом борьбы с эпидемическими заболеваниями. По закону это можно было сделать, если на село был наложен карантин. Большинство же райисполкомов использовали случаи заболеваний как предлог для закрытия молитвенных зданий, не разрешая службу даже после снятия карантина. Например, Тюлячинский РИК в период уборочной кампании 1936 г. постановил закрыть молитвенное здание в с. Тюлячи в связи со случаями «эпидемических заболеваний» и ... открыть в нём заразный барак!¹⁵.

Однако случаи бюрократического крючкотворства меркли на фоне произвола местных властей, практиковавшегося ранее. В условиях полной безнаказанности времён коллективизации, войдя в раж, местные органы власти издавали кощунственные директивы. Так, Нижне-Услонский сельсовет издал 17 мая 1931 г. письменное распоряжение: «Председателю старообрядческой церкви Аверьянову. Отпустить один малый колокол для затонного караула, взвесить таковой, проставить вес, представить заведующему затона и о сдаче известить сельсовет». Помимо этого секретарь сельсовета направил священнику той же церкви Вдовину такое указание: «Немедленно отпустите с вашей колокольни колокол маленького размера Севосттлесу для пожарки безоговорочно»¹⁶. Более того, отдельные председатели сельсоветов в Камско-Устьинском районе специальными запрещали устраивать поминки по усопшим родителям на кладбищах, в Дрожжановском районе власти задерживали денежные переводы на имя членов официально зарегистрированного исполнительного органа религиозной общины, в Лаишевском районе налагали штрафы за отпевание покойников¹⁷.

Понятно, что подобное рвение местных властей вышестоящих руководителей не устраивало. При этом признавалась, что «низовой советский актив совершенно не знаком с законодательством по вопросам религии», а допускает произвол потому, что за это не наказывают. В результате искажается генеральная линия на то, чтобы «противопоставить антисоветской деятельности духовенства систематическую массово-политическую и антирелигиозную пропаганду в массах». В соответствии с этим выдвигалось требование «строгого проведение законодательства по вопросам культов»¹⁸ – всё следовало делать только соответственно указаниям сверху.

После февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), отметившего недопустимый спад в борьбе партийно-советских организаций и руководимых ими «общественных организаций», вроде Союза воинствующих безбожников и комсомола, на антирелигиозном фронте началась новая кампания наступления на сохранившиеся религиозные организации. Характерно, что любая активизация религиозной

¹⁴ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 107; Оп. 6. Д. 131. Л. 88.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2760. Л. 107.

¹⁶ Там же. Оп. 6. Д. 188. Л. 24.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2760. Л. 108–109.

¹⁸ Там же. Л. 109.

жизни, в том числе связанная с официальной кампанией по пропаганде новой Конституции СССР, воспринималась властями как вылазка недобитых контрреволюционных элементов. Получалось, что «церковники» не имели права упоминать о гражданских свободах, гарантированных основным законом страны.

9 мая 1937 г. бюро Татарского обкома ВКП (б) приняло постановление «Об усилении антирелигиозной пропаганды», в котором утверждалось, что духовенство «повсеместно повысило свою активность и добивается усиления религиозного движения в ряде районов Татарии». Утверждалось, что «за последнее время в некоторых районах увеличилось количество отправлений религиозных обрядов, в особенности крещение и обрезание детей, а также посещение церквей и мечетей школьниками и молодёжью»¹⁹. В постановлении не содержалось прямых обвинений священнослужителей в контрреволюции зато таковые в изобилии присутствовали в передовице «За глубокую, систематическую антирелигиозную пропаганду и агитацию», помещённой в «Красной Татарии». Напомнив, что «священнослужители всех времён и народов постоянно выступали против угнетённых на стороне угнетателей...», а «Церковь и её служители выступают сейчас на стороне фашистских варваров...», орган обкома ВКП(б) уверял, что «церковники не только живут, но и активизируются... Попы, муллы, руководители сект прикидываются сторонниками конституции... проводят энергичную кампанию за открытие ранее закрытых церквей и мечетей, собирают средства на их ремонт, активно готовятся к выборам по новой конституции»²⁰. В качестве примера приводился такой факт: на Пасху 2 мая 1937 г. посевные работы в большинстве колхозов Высокогорского района республики не проводились, а райуполномоченным даже было разрешено вернуться из подведомственных им колхозов домой.

Во исполнение руководящих постановлений Президиумом ЦИК ТАССР на заседании от 16 июля 1937 г. был специально рассмотрен вопрос «О проведении в жизнь законодательства по вопросам культа в Дрожжановском р-не». В закрытом постановлении Президиума ТатЦИК по этому вопросу констатировалось, что «в работе Дрожжановского РИКа имеются извращения законодательства о религиозных объединениях... Подобные извращения могли иметь место лишь в результате потери политической бдительности со стороны руководящих работников РИКа... Недооценка подрывной работы религиозных организаций, отсутствие политической работы и антирелигиозной пропаганды при наличии контрреволюционной деятельности церковников и духовенства привели к активизации их и усилению влияния на отсталые слои населения (распространение контрреволюционных слухов, срыв хозяйственно-политических мероприятий, организация незаконных собраний и выступлений и т. д.)». В постановлении делался вывод о «политической слепоте и примиренчестве к врагам» со стороны руководителей Дрожжановского райисполкома, которых пришлось наказать «за допущенное нарушение законов по вопросам культа и за примиренческое отношение к фактам реакционной и контрреволюционной деятельности духовенства и церковников». Показательно, что на этом заседании ТатЦИКа присутствовали не только представители Дрожжанов-

¹⁹ Красная Татария. 1937. 20 мая.

²⁰ Красная Татария. 1937. 14 мая.

ского районного комитета ВКП(б), но и сотрудники районного отделения НКВД и УГБ НКВД ТАССР²¹.

Итак, впервые после умиротворяющих заявлений советского руководства о восстановлении священнослужителей в гражданских правах и свободе отправления религиозных культов в официальных документах появились обвинения в «подрывной работе религиозных организаций», «реакционной и контрреволюционной деятельности церковников и духовенства», «активизации их и усилении влияния на отсталые слои населения (распространение контрреволюционных слухов, срыв хозяйственно-политических мероприятий, организация незаконных собраний и выступлений и т. д.)», наконец, в «политической слепоте и примиренчестве к врагам» со стороны партийно-советских руководителей на местах. В цитированном выше, не подлежавшем оглашению «Информационном бюллетене № 2» ЦИК ТАССР от 10 апреля 1937 г. всячески осуждалось «потворство» местных властей религиозным организациям, проистекавшее из буквального понимания положений Конституции СССР 1936 г., формально уравнявших в правах священнослужителей со всеми советскими гражданами.

Служители культа подозревались в коварстве особого рода. «Духовенство всячески пытается использовать новую конституцию в своих интересах, – пугал ЦИК ТАССР, – и с учётом новой политической обстановки перестраивает свою деятельность в целях наибольшего охвата населения религиозным влиянием». Разъясняя «в своих целях» ст. 124 Конституции СССР, объясняли власти, духовенство «развернуло усиленную кампанию за открытие ранее закрытых церквей и мечетей»²².

В «Бюллетене ЦИК ТАССР» приводились соответствующие «примеры»:

- Казанская Белокрыницкая община попросила возвратить ей храм, отобраанный у неё в 1930 г.;
- собрание граждан с. Старый Куак Шугуровского района в числе 200 человек, заседавшее 25 января 1937 г. с 9.00 до 14.00 в «советском»(!) сельском клубе, потребовало вновь открыть в селе церковную службу. Заявление было подписано жителями села и направлено властям от имени церковно-приходского совета;
- жители с. Вознесенское Казанского района ходатайствовали об открытии храма;

²¹ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 88–89. О непосредственных причинах столь жёстких выводов смотрите ниже в материале о последствиях ремонта церкви в с. Городище Дрожжановского района.

²² Там же. Оп. 1. Д. 2760. Л. 105, 104. Ст. 124 Конституции СССР гласила: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Данная формула принципиально отличалась от редакций ст. 13 Конституции РСФСР 1918 года («В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами») и ст. 4 Конституции РСФСР в редакции XIV-го Всероссийского съезда Советов от 18 мая 1929 г. («В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»). Как видим, в новой конституции произошло значительное уменьшение прав верующих, хотя на практике реализация и тех прав, что остались (отправление религиозных культов), целиком зависела от текущего политического курса властей и местного начальства.

– в с. Гари [Казанского р-на] «монашка при церкви систематически занимается привлечением детей школьного и дошкольного возраста»;

– в д. Нижнее Альмурзино Кузнечихинского района в помещении мечети год работала начальная школа, затем помещение вновь отдали верующим под мечеть;

– в с. Булим Кукморского района была закрыта изба-читальня и передана под мечеть;

– в с. Соболеково Нурлатского района церковь была закрыта, ныне вновь работает;

– Верхнеуслонский райисполком, вместо привлечения священника Вдовина к ответственности за совершение обрядов без регистрации, заочно зарегистрировал его и по почте выслал ему справку о регистрации, хотя церковь по ходатайству граждан и райисполкома постановлением ТатЦИКа была уже закрыта²³;

– в с. Ключищи Верхнеуслонского района во время снятия колоколов верующими был избит председатель сельсовета²⁴;

– в г. Бугульме вернувшаяся из ссылки гражданка Крымова (Крымова Ирина Александровна, 1884 г.р., русская, церковный староста в с. Алешкино Бугульминского района ТАССР; осуждена 12 сентября 1931 г. тройкой ГПУ ТАССР на 5 лет концлагерей «за религиозную агитацию» по ст. 58-11 УК. – А.С.), организовала активное сопротивление закрытию Казанской-Богородицкой церкви²⁵;

– в Новошешминском районе «к-р духовенство организовало активное сопротивление масс верующих против закрытия церквей: организовывали и возглавляли походы толпами по 40–50 человек в сельсоветы и РИК, собирали подписи верующих “за сохранение христианской веры”, составляли петиции в ТатЦИК и ВЦИК с жалобами на действия местных советских и общественных организаций. В этих мероприятиях участвовали и верующие тех сел, где церкви не закрывались (с. Архангельское, с. Слобода Екатерининская)»;

– наконец, отмечалось, что в Билярском районе осенью 1936 г. отец «по религиозным убеждениям» зарезал сапожным ножом своего сына-пионера²⁶.

«Особое усердие в смысле неправильного толкования Конституции СССР, в целях использования её в своих интересах», по мнению ТатЦИК, проявило Цен-

²³ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 108. Оплошность местных властей была исправлена в ходе «кулацкой» операции НКВД. Священник старообрядческой церкви в с. Нижний Услон Вдовин Петр Афанасьевич, 1901 г.р., был арестован 28 декабря 1937 г. по обвинению в том, что «будучи враждебно настроен к Советской власти, систематически вел к-р агитацию, дискредитировал мероприятия партии и правительства, клеветал на Советскую власть, высказывал террористические настроения на руководителей партии и правительства, дискредитировал новый избирательный закон и Сталинскую Конституцию. Вел КРА против колхозного строительства и займа, распускал провокационные слухи о повсеместном голоде в СССР. Восхвалял расстрелянных врагов народа и высказывал им свое сожаление». Уже на третий день ареста, 31 декабря 1937 г. он был приговорен Тройкой НКВД ТАССР (прот. № 152) по ст. 58-10 (КРА) к ВМН и 20 января 1938 г. расстрелян в г.Казани. Реабилитирован он был лишь 31 мая 1989 г. (Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 77. Л. 105).

²⁴ Данное событие произошло весной 1936 г.

²⁵ Закрытие церкви было узаконено решением Культкомиссии ТатЦИКа от 14.11.1936 г. на основании того, что она находится на территории домов заключения ОМЗ УНКВД по ТАССР. Взамен общине верующих предоставлялось помещение бывшей старообрядческой молельни (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 131. Л. 47). Превращение церквей и монастырей в места заключения было общей практикой тех лет.

²⁶ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 104–108; Д. 3142. Л. 5.

тральное Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ЦДУМ), «возбудив ходатайство о возврате верующим законно закрытых мечетей» в населённых пунктах Апастовского района: в д. Альмашур (закрыта в 1932 г.), в д. Куллар (закрыта в 1934 г.) и других. «ЦДУМ пытается приравнять служителей культа к категории советских служащих и советской интеллигенции, – отмечалось в «Информационном бюллетене № 2». – С этой целью им выработаны и разосланы всем муллам готовые стандартные бланки заявлений для подачи в советские органы об освобождении их от мясоналога, в котором говорится: учителя, врачи, агрономы и техники, не связанные с хозяйством, освобождаются от мясодачи. По тем же основаниям, независимо от разницы в социальном положении, должен быть освобождён и я, не имеющий, также как и они, никакой связи с хозяйством»²⁷.

Особую «наглость», по мнению властей, «контрреволюционные религиозные элементы» проявили в одном из глубинных районов ТАССР, построив в 1936 г. в чувашском селе Городище Дрожжановского района новую церковь²⁸. (Разумеется, скоро церковь была закрыта).

Указывалось и на другие упущения. Поскольку «низовой советский актив совершенно не знаком с законодательством по вопросам религии, – отмечалось в бюллетене, – ...это ведёт к отсутствию надзора и контроля над религиозными организациями. Некоторые председатели сельсоветов Верхнеуслонского и Теньковского районов заявляют: “Попов не назначаем и не снимаем, мы должны только налоги с них взysкивать”. В отдельных районах при таком отношении сельсоветского актива имеются случаи допуска к отправлению религиозных обрядов т. н. “бродячими попами и муллами” – этими яркими агентами и агитаторами классового врага». Местным властям предписывалось «решительно бороться с “бродячим” духовенством, не допуская отправления религиозных обрядов ими без регистрации в райисполкомах»²⁹.

В условиях сохраняющейся высокой религиозности населения лучшим способом окончательного решения вопроса стал политический террор против священнослужителей и наиболее активных верующих. Приказ НКВД № 00447 создал для этого наиболее подходящие условия. Он позволял без лишних правовых проволочек проводить в жизнь указы партии.

В ходе «кулацкой» операции Новошешминским районным отделом НКВД было сфабриковано групповое дело № 5360 о «контрреволюционной церковнической группе» из четырёх человек в русском селе Слобода Екатерининская. Судя по всему, дело готовилось загодя в рамках борьбы с «антисоветскими религиозными организациями» в духе решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), поскольку часть свидетелей была допрошена ещё 23–24 апреля 1937 г. по делу о состоявшемся в том же месяце «массовом походе» в сельсовет свыше 100 колхозников и единоличников с требованием открыть церковь. Этому событию предшествовало незаконное закрытие властями храмов в селах Слобода Черемуховая и Слобода Екатерининская.

В делах Комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК ТАССР сохранилось дело № 27/156 о закрытии церкви в селе Слобода Черемуховая. В него под-

²⁷ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 105.

²⁸ Там же. Д. 3142. Л. 5.

²⁹ Там же. Д. 2760. Л. 108–109.

шита жалоба, направленная в ЦК ВКП(б) 21 июля 1937 г. уполномоченной от жителей села Потаповой Марии Семеновны, неграмотной, за которую расписалась её односельчанка Константинова. В жалобе сообщалось, что 17 сентября 1935 г. «общество [села Слобода Черемуховая. – А.С.] временно разрешило занять церковь под засыпку семян и с тех пор храм [верующим. – А.С.] не возвращается». Община верующих не раз обращалась в самые различные инстанции, трижды в ЦИК ТАССР и во ВЦИК, но безрезультатно. Волокита продолжается более года. Списки верующих были представлены ещё 7 июня 1936 г. в ЦИК, но кто-то дело тормозит: ВЦИК ссылается на ТатЦИК, последний – на Новошешминский РИК, а РИК – на сельсовет. По конституции гражданам предоставлено право свободного вероисповедания, но «закон этот не выполняется и просьба лиц по списку больше 900 человек не удовлетворяется», жаловались верующие села Слобода Черемуховая³⁰.

Как отмечалось в докладной записке ответственного секретаря Культкомиссии ТатЦИК «Об итогах проверки состояния молитвенных зданий по Новошешминскому р-ну ТАССР» от 11 июля 1936 г.³¹, 15 октября 1935 г. в селе Слобода Черемуховая состоялось общее собрание граждан, на котором обсуждался вопрос об использовании помещения церкви под сыпку зерна. На собрании присутствовал председатель Новошешминского райисполкома Шумков. Бывший председатель сельсовета Буров, верно понявший указания начальства и вскоре ушедший на повышение в район – инструктором РИКа, «[по]считал, что вопрос о закрытии церкви на этом исчерпан и 18 октября, явившись в церковь с представителем РайФО Мироновым, потребовал ключи. Когда член исполнительного органа верующих просил предъявить постановление или предписание вышестоящих органов, Буров бесцеремонно отобрал ключи, открыл церковь, церковную кассу и свечной ящик, все имущество церкви сложил в угол и вскоре после этого в церковь насыпали хлеба». Все это было проделано, несмотря на то, что «помещений, подходящих под склад в Черемуховой слободе достаточно». Незаконные действия Бунова и Миронова были обжалованы в ТатЦИК, но безрезультатно. 8 января 1936 г. Новошешминский РИК вынес решение о закрытии церкви, которое, однако, не было утверждено Президиумами ТатЦИК и ВЦИК.

«В настоящее время, – продолжал автор докладной записки ответственный секретарь Культкомиссии ТатЦИК Мустафин, – в церкви хранится колхозный хлеб. Внутри церкви все разломано, снято и сложено в беспорядочную кучу... В настоящее время церковь вернуть верующим представляется невозможным, т. к. если им вернуть здание церкви, то надо вернуть его в таком виде, в каком она была занята под сыпку зерна колхозом. Колхоз же переживает финансовое затруднение (не расплатился с колхозниками за 1935 г.) (на дворе, отметим, был июль 1936 г. – А.С.) и не в состоянии привести церковь в такой вид, в каком она была раньше». Автор докладной записки полагал, что решение о закрытии церкви в Слободе Черемуховой надо утвердить (что и было сделано 23 июля 1936 г. ТатЦИК), а общину верующих села приписать к приходу соседней Слободы Екатери-

³⁰ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 402. Л. 6–7.

³¹ Докладная была составлена по итогам обследования ситуации на месте после ходатайства Новошешминского РИКа о закрытии церквей сразу в 9 (!) селах района: Новошешминске, Чебоксарке, Урганчи, Русское Утяшкино, Слободах Архангельской, Волчьей, Екатерининской, Петропавловской и Черемуховой (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 131. Л. 36).

нинской, куда перевести и приходского священника. Добавим, что об официальном решении о закрытии церкви писавшие в ЦК ВКП (б) в середине 1937 г. селяне так и не узнали, поскольку пересланный из Москвы маркированный конверт был утерян работниками Новошешминского райисполкома³².

На этом, однако, история с мытарствами верующих нескольких сел Новошешминского района ТАССР не закончилась. При подготовке к очередному этапу «кулацкой» операции оперативным штабом НКВД ТАССР в списки на арест по 2-й категории 4 декабря 1937 г. был включён священник с. Слобода Екатерининская Г. Серов, который в тот же день был арестован. В деле отмечалось, что Серов (Никитин) Григорий Иванович, 1877 г. р., священник с. Слобода Екатерининская, «не занимаясь общественно-полезным трудом, организовал и возглавил к-р церковническую группу, проводил нелегальные совещания, обрабатывал колхозников в к[онтрреволюционном] духе, проводя через них разложенческую работу в колхозе». В 1936 г. этот священник «сагитировал 500 колхозников и единоличников на предъявление с[ельсовету] требования об открытии церкви, дискредитировал Сталинскую Конституцию». Вместе с ним был арестован Зяблов Андриян Мартынович, 1877 г. р., житель с. Слобода Екатерининская, русский, из крестьян-средняков, малограмотный, характеризуемый как «кулак, БОЗ (без определённых занятий. – А.С.), бывший церковный староста». Он был обвинён в том, что «состоял членом к-р (контрреволюционной. – А.С.) группы церковников», а в 1936–37 гг. «по установке Серова разъезжал по колхозам и единоличникам, агитировал за массовый поход с требованием открытия церкви, дискредитировал Сталинскую Конституцию, агитировал колхозников не ходить на выборы в Верх. Совет СССР». Арестованной оказалась также Лазарева Анисья Петровна, 1878 г. р., жительница с. Новошешминск, русская, крестьянка-среднячка, неграмотная, монашка, церковный староста, без определённых занятий, которая «в 1936 г. привлекалась по ст. 58–10, от следствия и суда скрылась». Её арестовали по обвинению в том, что она «состояла членом к-р группы церковников... вербовала в к-р группу агитаторов для проведения АСА (антисоветских акций. – А.С.), в 1936–37 гг. по установке Серова ходила по колхозам и единоличникам, агитировала за массовые поход с требованием открытия церкви. Под её руководством три раза устраивались массовые походы, в результате чего были сорваны полевые работы в колхозе». Также была арестована Потапова (Филатова) Мария Семёновна, 1876 г. р., русская, из крестьян-средняков, малограмотная, монашка, бывший церковный староста, БОЗ. Она была обвинена в том, что «состояла членом к-р группы церковников... в 1936–37 гг. по установке Серова обходила дома колхозников и единоличников, агитировала за массовый поход с требованием открытия церкви, в апреле 1937 г. возглавила массовый поход к сельсовету свыше 100 человек колхозников и единоличников с требованием открыть церкви, провоцировала их идти в РИК». Все четверо обвиняемых признали себя виновными, причём по данному делу было допрошено 20 (!) свидетелей³³.

³² НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 402. Л. 16; 12, 13.

³³ Так, к делу были приобщены копии показаний арестованного по другому делу священника А.Н. Сердобольского, который совместно с церковным старостой М.П. Рукавишниковым (единоличником и председателем церковного совета с. Слобода Архангельская Новошешминского района), «используя религиозные предрассудки верующих, систематически вёл среди них религиозную АСА (антисоветскую агитацию. – А.С.), подстрекая их на борьбу с Соввластью; организовал два массовых выступления верующих с требованием открыть закрытую церковь, сорвав

Все четверо обвиняемых жителей с. Слобода Екатерининская были приговорены 21 декабря 1937 г. тройкой НКВД ТАССР по ст. 58–10, 58–11 к высшей мере наказания и расстреляны 8 января 1938 г. в г. Чистополе.

Накануне расправы над «контрреволюционерами» партийно-советские органы 18 и 21 декабря 1937 г. провели в населённых пунктах Слобода Екатерининская и Ново-Иванаевка «собрания общественности», где от имени 559 взрослых жителей было вынесено решение о закрытии церкви. С мнением 273 верующих жителей этих деревень (36 % от 756 человек взрослого населения), естественно, не посчитались. Лица, выступавшие на собраниях, говорили одно и то же: в полях под открытым небом лежат 30000 пудов не обмолоченного хлеба, который может быть расхищен, а потому «нам дороже сохранить хлеб, а не стены церкви»³⁴. 22 декабря 1937 г. президиум Новошешминского райисполкома утвердил это решение, а в январе 1938 г. оно было утверждено Президиумом ЦИК ТАССР³⁵.

История с закрытием церкви в Слободе Екатерининской и последующая расправа над священником и церковными активистами была связана с грубым и откровенным подлогом. В том же деле Культкомиссии ТатЦИК сохранилась выписка из уже цитированной выше докладной записки от 11 июня 1936 г. об итогах проверки состояния молитвенных зданий по Новошешминскому району ТАССР. Документ гласил: «Церковь Екатерининской Слободы – в настоящее время находится в ведении общины верующих. Никакого ходатайства о закрытии не имеется. Весною 1936 года незаконно занята под ссыпку зерна, ни протокола общего собрания, ни решения РИКа не имеется. Получено заявление от верующих за несколько сот подписями о незаконном закрытии церкви и возвращении обратно верующим. Церковь имеет задолженность 107 рублей. Поскольку никакого ходатайства о закрытии церкви и передаче ее под культурное учреждение не имеется, считая необходимым разрешить верующим дальнейшую службу. Одновременно с этим обязать общину верующих немедленно погасить задолженность по госплатежам. Кроме того, обязать общину верующих произвести требуемый ремонт здания не позднее 1-го сентября 1936 года»³⁶.

Далее следовало рукописное заявление в Культкомиссию ТатЦИКа от общины верующих села Екатерининская Слобода, где сообщалось, что с третьей недели Великого поста сельсоветом было запрещено верующим собираться в церкви, вести богослужения и совершать требы на неопределённое время якобы по причине появления заразной болезни. В первый день Пасхи 12 апреля 1936 г. власти потребовали ключи от церкви для засыпки её зерном. В ответ на это самоуправство церковный совет подал 13 апреля заявление в РИК, где пообещали вопрос разрешить. Тем не менее, в 3 часа ночи с 15 на 16 апреля церковный сторож был заперт в сво-

вследствие этого полевые работы в колхозе». Эти лица были арестованы ещё в сентябре 1936 г. и приговорены тройкой НКВД ТАССР 5 ноября 1937 г. по статьям 58-10, ч.2 и 58-11 соответственно: Сердобольский – к 10 годам ИТЛ; Рукавишников – к высшей мере наказания. См.: Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 64. Л. 19–20.

³⁴ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 403. Л. 40б.

³⁵ Там же. Л. 3, 48.

³⁶ Там же. Л. 15. В момент принятия решения об окончательной ликвидации церкви на 25 декабря 1937 г. задолженности по земельной ренте и по налогам у приходской общины уже не было (Там же. Л. 40б.).

ей сторожке, замки с дверей церкви были сбиты и тут же ссыпали в церковь воз хлеба³⁷. Добавим, что, как известно, весной 1936 г. избытка хлеба на селе не было.

При проверке данного расстрельного дела в 1959 г. выяснилось, что показания свидетелей носили настолько общий характер, что не могли служить доказательствами виновности осуждённых. В ноябре-декабре 1959 г. КГБ ТАССР были установлены и передопрошены десять свидетелей из двадцати, а также дополнительно допрошено ещё 6 человек. Пятеро свидетелей не подтвердили своих показаний, данных в 1937 г., причём двое из них заявили, что по данному делу они никогда вообще не допрашивались, а в соответствующих протоколах подписи принадлежат не им³⁸. Свидетель И.И. Москотин на допросе 25 ноября 1959 г. после ознакомления со своими показаниями от 24 апреля 1937 г. показал, что в 1936 г. после закрытия в Слободе Екатерининской церкви, осуждённая «тройкой» Потапова (Филатова) совместно с другими монашками организовала сбор подписей за открытие церкви, «распространяла слухи» среди населения, что церковь закрыли неправильно, призвала организовать массовый поход в райисполком с требованием открыть церковь. На священника Серова нужные властям показания 6 декабря 1937 г. дал бывший псаломщик А.Д. Архипов. В отличие от большинства своих земляков, он вновь повторил свои прежние показания и 27 ноября 1959 г.³⁹ Подписавшие в 1937 г. «уличающую» характеристику сельсовета на монашку и церковного старосту А.П. Лазареву председатель сельсовета И.И. Иванов и секретарь А.И. Колесников, будучи допрошены в 1959 г., так и не смогли привести ни одного конкретного факта антисоветской агитации с её стороны. В общем, все свидетели, отмечая глубокую религиозность осуждённых, конкретных фактов антисоветской деятельности с их стороны привести не смогли⁴⁰. По итогам проверки прокуратурой все осуждённые были реабилитированы 28 января 1960 г.

Ещё более показательным для методов расправы с «церковниками» в период «Великой чистки» уже упоминавшееся дело о строительстве новой церкви в чувашском селе Городище Дрожжановского района ТАССР. 5 ноября 1937 г. в этом селе были арестованы трое «зачинщиков» строительства нового храма: бывший священник, отмеченный в представленной тройке НКВД ТАССР справке Дрожжановского РО НКВД как лицо «без определённых занятий», церковный староста, а также один из членов церковного совета – «заштатный священник, без определённых занятий». В заведённом на них групповом следственном деле все были обвинены в том, что «входили в с. Городище в кулацкую группу, организованную священником Семеновым М.С. Проводили активную к-р деятельность, группировали вокруг себя к-р церковный актив из духовенства и верующих крестьян, среди которых систематически вели АСА и пораженческую КРА. Проводили нелегальные совещания, где обсуждались вопросы борьбы с Советской властью и проводимыми ею мероприятиями в деревне. Совершали нелегальные религиозные обряды. Группа выстроила в селе в 1935/36 гг. новую церковь, а в апреле 1937 года устроила массовое женское волнение, где участвовало около 150 человек». 10 декабря 1937 г. все трое были приговорены тройкой НКВД ТАССР к высшей мере

³⁷ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 403. Л. 16–17.

³⁸ НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 954. Л. 91.

³⁹ Там же. Л. 91а.

⁴⁰ Там же. Л. 90–96.

наказания по ст. 58–10 ч. 1. и расстреляны 9 января 1938 г. в Казани. Реабилитированы их только в 1989 г.⁴¹

В делах Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК ТАССР сохранилось Дело № 27-60 «О постройке новой церкви в с.Городище Дрожжановского р-на Татарской Республики», начатое 10 июня 1937 и оконченное 29 декабря 1937 г. Не составляет труда сравнить обвинительные материалы, представленные на тройку НКВД, с документами иного происхождения⁴².

В церковной общине с. Городище на начало 1937 г. насчитывалось 632 верующих. В прежние годы в селе была деревянная церковь, которая сгорела в 1927 г. После этого служба производилась в церковной сторожке. В 1929 г. сторожку отобрали под школу, но только на одну зиму – вероятно, помещение под школу не годилось. На основании ходатайства общины верующих постановлением Президиума Буинского кантисполкома от 1 июля 1930 г. сторожка была возвращена верующим, и служба в ней возобновилась. Весной 1936 г. священник-обновленец Семенов Мирон, служивший одновременно в нескольких сёлах района, был арестован и осуждён по ст. 169 п. 2 УК РСФСР. Служба в церкви с. Городище была прекращена⁴³.

Неожиданно появившаяся в селе 14 августа 1936 г. строительная комиссия Дрожжановского РИКа предложила произвести капитальный ремонт сторожки, который, однако, оказался невозможен из-за ветхости здания. После этого с санкции комиссии РИКа сторожка была разобрана, по составленной смете на 7982 руб.

⁴¹ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 66. Л. 46–47.

⁴² НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 102. Дело содержит жалобы жителей с. Городище на действия местных властей, препятствующих открытию церкви и возобновлению церковной службы, их записки в разные инстанции, заявления священника-обновленца М.С. Семёнова в райисполком о намечаемых им действиях по исполнению своего пастырского долга, список верующих д. Н. Чекурские на 225 человек, технические акты и сметы на строительство церкви в с. Городище, объяснительные записки работников райисполкома, другие внутриведомственные материалы, наконец, итоговое решение Президиума ТатЦИК о передаче церкви под «культурные нужды».

⁴³ Там же. Л. 36. Статья 169 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на разные сроки в зависимости от тяжести преступления: на срок до двух лет (п. 1): за «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод (мошенничество)»; или на срок до пяти лет (п. 2): за «мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению». М. Семёнову инкриминировалась скупка облигаций госзайма у верующих, которые он принимал от них за исполнение треб (облигации на сумму от 5 до 20 рублей), а также скупал и принимал в залог, не отмечая их номера и не выдавая расписок с указанием номеров. Семёнов был осуждён Дрожжановским нарсуудом 4 апреля 1936 г. по ст. 169-2 УК на 5 лет на лишения свободы с конфискацией облигаций на сумму 420 рублей. Это решение утвердила уже 20 апреля 1936 г. Кассационная коллегия по уголовным делам Главного суда ТАССР, которая нашла, что «осуждённый священник Семенов занимался обманом трудящихся колхозников путем приема в залог облигаций государственных займов. До принятия займов в залог Семенов предварительно проверял тиражи выигрышей и после этого, пользуясь малограмотностью граждан, принимал таковые без отд[ачи] расписок и указания номеров. Это давало ему возможность пользоваться выигрышами и владельцам облигаций возвращать другие облигации... Семенов принятие [облигаций] госзаймов в залог и скупку таковых не отрицает. Кроме этого за выполнение религиозных обрядов с гр-н [он] требовал [платы] облигациями госзаймов. За крещение брал по 5-10 руб., а за похороны 10-20 руб. Изложенное подтверждается рядом показаний свидетелей. При обыске у Семенова обнаружено облигаций госзаймов на сумму 420 рублей» (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 77).

селянами был куплен сруб, после чего из старого и нового материала был построен новый храм размером 11 на 6 метров. Строительство было окончено к концу октября 1936 г. Ввиду ожидаемой осадки здания, рабочими намеренно не была произведена обшивка стен снаружи и не оштукатурены внутренние стены помещения – эти работы отложили до следующего года. Однако вполне годное к использованию здание церкви не принималось представителями Дрожжановского райисполкома под предлогом отсутствия формального акта о приёмке здания. Хотя уполномоченный ТатЦИКа Курмышкин, признал помещение годным к молению, председатель райисполкома Степанов заявил 2 декабря 1936 г. делегации верующих, что ремонт не соответствует своему назначению, и если техническая комиссия РИКа это мнение подтвердит, то здание церкви будет изъято вовсе.

Получив официальный отказ, руководители приходской общины направили 18 января 1937 г. жалобу в Комиссию по делам культов ТатЦИК (по каким-то причинам она была зарегистрирована только 13 мая 1937 г.). Жалобы в ЦИК ТАССР последовали и в дальнейшем, но также оказались безрезультатными. Именно об этом написали в своих жалобах в вышестоящие инстанции члены исполнительного органа общины верующих колхозники Пахомов Семен Пахомович, 1882 г. р., церковный староста, и председатель ревизионной комиссии церковного совета Алин Василий Васильевич, 80 лет, неграмотный⁴⁴. Свою версию событий изложил в докладной в ТатЦИК от 10 июня 1937 г. зам. председателя Городищенского сельсовета член ВКП(б) с 1932 г. Антон Храмов. По его словам начинателем всей этой истории стали председатель ЦИК ТАССР Гумер Байчуринов и уроженец с. Городище руководитель стройгруппы Дрожжановского райисполкома В.Головин, известный как карьерист, исключённый из ВКП(б).

Случилось так, что во время уборочной кампании 1935 г. в с. Городище приезжал председатель ТатЦИКа Гумер Байчуринов. В беседе с работниками сельсовета он поинтересовался, есть ли в селе церкви. Узнав, что верующие молятся в небольшой церковной сторожке, Байчуринов заявил: «А как думаете, если заставить общину верующих расширить это помещение, отремонтировать, а к окончанию ремонта подготовить население к передаче этого здания под культурное учреждение?» По словам Храмова, он вместе с председателем сельсовета Маруськиным отнесся к этой затее отрицательно. Однако, тем не менее, «с этого времени и началась возня с постройкой церкви». «Особенное усердие в этом деле проявлял руководитель стройконторы Дрожжановского РИКа Головин», уроженец с. Городище. Биография его примечательна. Он имел 4 Георгиевский креста за службу в старой армии, в 1920-е гг. стал членом ВКП(б), в 1926 г. работал в Буинском кантисполкоме и даже избирался членом ТатЦИКа. В 1929 г. В.Головин прибыл в родное село как уполномоченный канткома ВКП(б) на проведение хлебозаготовок. Его собственное хозяйство было зажиточным, но в обход комиссии по содействию хлебозаготовкам он значительную часть хлеба отправил на базар, в чём и был уличён. Головина исключили из партии и отозвали со всех постов. Однако в 1932 г. Головин ухитрился окончить курсы плановиков в Казани и вернуться на родину, где стал работать плановиком стройгруппы Дрожжановского РИКа. Как честный коммунист Храмов не преминул добавить в своей докладной, что во время похорон жены Головина потребовал, чтобы на них присутствовали все коммунисты и комсомольцы села, однако те отказались, поскольку день был объявлен руково-

⁴⁴ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 1-2, 4, 8–8об, 9.

дством колхоза «стахановским» и все партийцы должны были трудиться. Выяснилось, что «жена Головина была похоронена по религиозным обрядам, на гроб положили крест, на могилу поставили тоже трехметровый крест». Не забыл Головин и пожелание председателя ТатЦИКа: в августе 1936 г. он приехал в Городище в месте с техником Лапочкиным, «осмотрел здание церковной сторожки, составил акт о его техническом состоянии и предложил произвести ремонт. Затем он прислал смету общине верующих, по которой предусмотрел вместо ремонта постройки новой церкви». «Усилиями родственников Головина» и была построена новая церковь, причём к этому «позорному факту», докладывал Храмов, районные работники отнеслись весьма терпимо. Вместо того чтобы приостановить постройку церкви, председатель РИКа Степанов сам лично содействовал начинанию. Во время уборки он приезжал в Городище, причём, прежде чем справляться о её ходе, интересовался строительством церкви. 29 апреля 1937 г. он вновь приехал в Городище, лично осматривал церковь. Собралось более 100 верующих – Степанов, однако, дал указание председателю сельсовета не допустить открытия церкви. «Винновники» схода верующих были приглашены в сельсовет, им было предложено ждать приезда начальника НКВД, которому было сообщено о случившемся по телефону. Но тут вмешался Головин и распустил этих организаторов выступления верующих – начальник местного отдела НКВД Фролов никого из них не застал. Получалось, что Степанов абсолютно никаких мер для предотвращения собрания верующих не принял. К этому Храмов присовокупил, что побывавший в октябре 1936 г. в Городище зав. отделом нацменьшинств ТатЦИКа Яковлев взял с него письменные показания о происшествии, но никаких мер принято не было. Антипартийное поведение Степанова и Головина, по словам Храмова, состояло ещё и в том, что когда в Городище в 1936 г. решили перестроить под школу-семилетку бывшее помещение волисполкома, райисполком не оказал им необходимой помощи. «Так они не поддерживали постройку школы, а для церкви составили подробную смету и следили за ходом строительства её», – заключил бдительный партиец образца 1937 г. Храмов забыл лишь добавить, что за составление сметы ремонта и строительства церкви техник Лапочкин взыскал с общины верующих 120 рублей⁴⁵.

Несколько иную трактовку событиям дал в своей докладной от 11 июня 1937 г. председатель Городищенского сельсовета (с сентября 1936 г.) кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. Илья Назарович Евдокимов. В своей докладной он указал, что приезжавший в апреле 1937 г. председатель РИКа Степанов после осмотра церкви сказал ему: «Не допускай открытия церкви, удержи его во что бы то ни стало, это я поручаю лично тебе». Через день после его приезда (а не в момент пребывания председателя РИКа в селе, т. е. 1 мая 1937 г., в Страстную Великую Субботу) вокруг церкви собралась большая толпа (около 120 человек) с требованием её открытия. Организаторы этого несанкционированного сельсоветом собрания граждан – Константинов и Калашникова – впоследствии были выявлены и отправлены в сельсовет, откуда, однако, они были отпущены по указанию все того же В. Головина и также секретаря сельсовета А. Храмова⁴⁶.

Не добившись никакого решения от районных властей, пятеро уполномоченных от церковной общины с. Городище 28 мая 1937 г. направили жалобу в Посто-

⁴⁵ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 10–15, 30об.

⁴⁶ Там же. Л. 16об, 45.

янную комиссию при Президиуме ВЦИК по делам религиозных культов, где вновь изложили все обстоятельства дела и пожаловались на райисполком, препятствующий началу богослужения, которого в нетерпении ждут до 3000 верующих села, состоящего почти из 1000 дворов. Как водится, жалоба из Москвы была возвращена в Казань для выяснения на месте⁴⁷.

Поскольку верующие с. Городище жаловались не только в райисполком, но также и в Казань и в Москву, местное начальство забеспокоилось. В деле имеется отношение председателя РИКа Степанова начальнику Дрожжановского РО НКВД Фролову с просьбой вмешаться в дело с характерной концовкой: «Предполагаю, что тут имеется работа антисоветских элементов». О том, что РО НКВД взялся за дело, свидетельствуют подшитые в деле объяснительные записки членов исполнительного органа церковной общины с. Городище с заверениями, что они не посылали 5 марта 1937 г. запрос в приемную ТатЦИКа, в том числе по причине своей неграмотности⁴⁸. (Сам запрос в деле отсутствует и причину, по которой власти выделили именно его как наиболее преступное деяние со стороны руководителей приходской общины, выяснить не удалось).

Наконец, к делу подключился ответственный секретарь Кулькомиссии при Президиуме ТатЦИК Мустафин, который вынужден был съездить на место и составить заключение, подтверждающее уже известные нам факты. Мустафин назвал и виновников из числа руководителей Дрожжановского района: председатель РИКа Степанов, секретарь РИКа Акташева, В. Головин, член ТатЦИК Яковлев, не преминув донести на организаторов несанкционированного собрания в пасхальные дни 1937 г. О действиях председателя Кузнечихинского РИКа Константинова, чей отец – житель с. Городище – участвовал в перестройке церкви и собрании верующих в момент приезда в село председателя РИКа Степанова, Мустафин рекомендовал сообщить в Кузнечихинский райком ВКП (б). Пахомов, Константинов и Калашникова «через других верующих создали толпу граждан на площади около церкви, где участвовало около 120 человек. Эта толпа верующих кричала и требовала немедленного открытия церкви, при этом они громко говорили, что «открытие церкви задерживают только местные власти... в 1930 году местная власть тоже закрывала нашу церковь, а мы сами открыли её, давайте и сейчас откроем сами»⁴⁹.

В докладной специально было отмечено, что, окончив строительство церкви, верующие начали оборудовать её. В отделении Татторга с. Дрожжаное было куплено 11 поповских и дьяконских риз. Часть церковного имущества была куплена и самим РИКом. Вся мебель в кабинете председателя РИКа Степанова и секретаря РИКа Акташевой была обита церковной парчой, на пол постелили церковные дорожки, вместо того чтобы все это отправить в Москву для переработки и извлечения серебра. Городищенские строители собрали много икон по домам верующих, а также через вторые руки закупили другое церковное имущество, распродаваемое райфинотделом. Во дворе около церкви устроили колокольню⁵⁰.

Особенно впечатляло резюме докладной: поскольку был произведен не ремонт, а новое строительство церкви, на это должна была быть предварительная санкция ВЦИК. Таким образом, строительство церкви следует признать незакон-

⁴⁷ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 33-34, 32.

⁴⁸ Там же. Л. 23–24, 29.

⁴⁹ Там же. Л. 38.

⁵⁰ Там же. Л. 39.

ным и «передать её здание под культурное учреждение»⁵¹, т. е. осуществить предложение председателя ЦИК ТАССР Гумера Байчурина.

Президиумом ТатЦИК была проведена проверка по делу о церкви в с. Городище, по результатам которой 16 июля 1937 г. на заседании Президиума ЦИК ТАССР был рассмотрен вопрос «О проведении в жизнь законодательства по вопросам культа в Дрожжановском р-не». В принятом постановлении констатировалось, что «в работе Дрожжановского РИКа имеются извращения законодательства о религиозных объединениях, выразившиеся в содействии работников РИКа в восстановлении церкви в с. Городище, наличии квартиры служителя культа в одном доме со школой в с. Убей, печатание документов для духовенства сотрудниками РИКа и продажа предметов через государственные магазины. Подобные извращения могли иметь место лишь в результате потери политической бдительности со стороны руководящих работников РИКа (председатель Степанов, секретарь Акташева), вступления в прямую связь некоторых работников РИКа с духовенством и церковниками и засоренность аппарата РИКа чуждыми элементами (Головин, Загреддинов, Кузьмин и др.). Недооценка подрывной работы религиозных организаций, отсутствие политической работы и антирелигиозной пропаганды при наличии контрреволюционной деятельности церковников и духовенства привели к активизации их и усилению влияния на отсталые слои населения (распространение контрреволюционных слухов, срыв хозяйственно-политических мероприятий, организация незаконных собраний и выступлений и т. д.). Наличие в районе 48 мечетей из существовавших 59 до революции, факты постройки 2-х мечетей в районе после революции, восстановление церкви [в] с. Городище подтверждают [вывод] о политической слепоте и примиренчестве к врагам. Президиум ЦИК ТАССР решил наказать виновных районных начальников, сняв их с занимаемых постов. Президиум постановил: «Гражданам с. Городище в ходатайстве [об открытии] церкви отказать со ссылкой на ст. 45 Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., в силу которой постройка нового молитвенного здания могла быть допущена лишь в особых условиях, устанавливаемых ЦК по вопросам культа при Президиуме ВЦИК». Было решено «предложить Дрожжановскому РИКу использовать молитвенное здание с. Городище под культурное учреждение»⁵². На заседании Президиума ТатЦИКа присутствовали представители РК ВКП(б), сотрудники УГБ НКВД ТАССР и Дрожжановского РО НКВД.

На основании этого решения Президиум ВЦИК РСФСР 25 декабря 1937 г. в свою очередь постановил: «Ходатайство верующих об открытии церкви в с. Городище Дрожжановского района Татарской АССР отклонить»⁵³. Остаётся добавить, что ко дню заседания московского начальства тройка НКВД ТАССР уже приговорила (10 декабря 1937 г.) священника Семёнова, священника в за штатом Мулендейкина (имя которого в деле ни разу не было упомянуто!) и председателя церковного совета села Пахомова к расстрелу. Так – расстрелом ни в чём не повинных людей – и закончилось очередная «хитроумная» комбинация партсовначальников эпохи «Большого террора».

Приведём ещё несколько подобных примеров. В «Информационном бюллетене № 2» ЦИК ТАССР от 10 апреля 1937 г. указывалось, что в с. Ключищи Верхне-

⁵¹ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 40.

⁵² Там же. Л. 88–89.

⁵³ Там же. Л. 102.

услонского района во время снятия колоколов верующими был избит председатель сельсовета. Приведем краткую хронологию довольно типичных для того времени событий⁵⁴.

Снятие колоколов было произведено сельсоветом по указанию свыше весной (в апреле или начале мая) 1936 г. Верующие, естественно, пытались этому противодействовать. Дело рассматривалось в РО НКВД ТАССР, но арестованные (священник и четверо прихожан) через некоторое время (17 августа 1936 г.) были выпущены на свободу «без предъявления каких-либо обвинений». При снятии колоколов погромщики повредили церковную колокольную и на этом основании райисполком запретил вести в церкви службу. Член церковного совета Мурзина Матрена Ивановна (1883 г.р., жительница с. Ключищи Верхнеуслонского района ТАССР, русская, крестьянка) от имени верующих в 1936–1937 гг. неоднократно писала во все инстанции с просьбой разрешить службу в церкви. В год принятия новой Конституции просто отмахнуться от просьб верующих было трудно, поэтому по указанию Культкомиссии ТатЦИК в село съездил представитель – инженер-строитель Исаев. Он составил акт, согласно которому при снятии колокола была повреждена каменная кладка свода, что, однако, «никакой опасности обвала не внушает». Общее состояние здания было признано удовлетворительным, но требовался частичный ремонт, причём и без него «в храм можно было входить через боковые двери, а не через центральный вход, требующий (текущего) ремонта». Из заключения инженера следовало, что присутствие людей в здании церкви во время службы вполне возможно, поскольку «обвалом пролом не грозит и следует только убрать накопившийся на своде мусор и щепу». После такого заключения Культкомиссия ТатЦИКа разрешила провести одно богослужение 11 сентября 1936 г. в день Усекновения главы Иоанна Крестителя, а затем вновь закрыть церковь до окончания предписанного ремонта. Как явствует из очередного заявления Матрены Мурзиной от 16 октября 1936 г., силами приходской общины ремонт был произведён. Не были лишь промыты стены внутри церкви – эта часть работы была отложена до мая следующего года. Община просила разрешения на возобновление службы, однако райисполком Верхнеуслонского района, верный генеральной линии партии, разрешения на открытие церкви не дал. 7 января 1937 г. представители РИКа составили свой собственный акт о техническом состоянии церкви в с. Ключищи, в котором фактически не признали его годным для проведения богослужений, поскольку «ремонт [приходская. – А.С.] община произвела самостоятельно без наблюдения техника и без всякой технической сметы». В дополнение к прежним указаниям райисполком потребовал «сплошного подведения нового цоколя вокруг всей церкви... перекладки крылец... перекладки колонн». На основании данного акта Верхнеуслонский райисполком 11 января 1937 г. под предлогом заботы о безопасности верующих, отклонил их ходатайство об открытии богослужения в церкви, утверждая, что состояние цоколя и колонн «может служить опасением при скоплении людей в здании». Председатель Верхнеуслонского РИКа Майоров в своём отношении в Культкомиссию ТатЦИКа даже указал её ответственному секретарю Мустафину на недопустимость несогласованных действий с райисполкомом, имея в виду высылку в район инженера для оценки технического

⁵⁴ См.: НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 326. Л. 1–18.

состояния здания церкви и составления им независимой от позиции райисполкома экспертизы⁵⁵.

Не получив разрешения на открытие церкви у районных органов власти, приходская община с. Ключищи попыталась вновь добиться такового у республиканских властей. В очередной жалобе Матрены Мурзиной в ТатЦИК от 4 февраля 1937 г. указывалось, что все технические работы, указанные в акте представителя ТатЦИКа, которые можно было провести в холодное время года, община произвела. Более того, община верующих с. Ключищи согласна выполнить и новые требования райисполкома, но только лишь с наступлением тепла, как этого требуют строительные нормы. «При этом считаем необходимым уверить ТатЦИК, – писала М. Мурзина, – что перекладка 2-х боковых крылец не вызывает опасности при скоплении людей в здании, ибо этими крыльцами вообще не пользуются, так как главный вход в церковь [идёт] через паперть. Сталинская Конституция, получившая ныне силу закона, позволяет нам надеяться, что ходатайство наше будет признано заслуживающим удовлетворения и члены общины получают, наконец, возможность пользоваться зданием церкви для молитвенных собраний». Хотя церковь не действовала, все полагающиеся налоги на действующий храм были также исправно уплачены⁵⁶.

Однако и на это обращение верующих, заканчивавшееся словесами официальной патетики, из Культкомиссии ТатЦИК 21 марта 1937 г. был получен отказ, сопровождавшийся угрозой, что «если и в дальнейшем ремонт не будет произведен полностью к установленному РИКом сроку, то договор на пользование зданием подлежит расторжению». Новая жалоба, поданная М. Мурзиной уже на следующий же день, 22 марта 1937 г., осталась без ответа. Спустя год, 19 мая 1938 г. Культкомиссия ТатЦИКа порекомендовала «через некоторое время предложить РИКу оформить передачу здания бездействующей церкви под культурное учреждение», что, скорее всего, и было сделано.

В ходе «кулацкой» операции Матрена Мурзина была внесена в списки репрессируемых по 2-й категории. Верхнеуслонское РО НКВД завёл на неё делл, дав ей определение: «кулачка-торговка, БОЗ ... В 1931 г. раскулачена, часть имущества изъята». Мурзину арестовали 11 октября 1937 г. по обвинению в том, что «будучи враждебно настроена против Советского государственного строя, являясь членом к-р церковной группы, систематически вела антисоветскую агитацию, распространяла провокационные слухи о гонении на религию, неизбежности голода в колхозах, дискредитировала колхозный строй, разлагала трудовую дисциплину. Используя религиозные предрассудки верующих, вела активную работу по организации населения на открытое сопротивление мероприятиям Советской власти, в частности весной 1936 г. организовала массовое выступление верующих [против снятия колоколов с церкви. – А.С.] с избиванием представителя местной власти. Призывала верующих отбить у конвоиров арестованных организаторов выступления. Распространяла контрреволюционную религиозную рукопись «Сон богородицы». Мурзина была приговорена 21 ноября 1937 г. Тройкой НКВД ТАССР к 10 годам ИТЛ, реабилитирована была только 4 февраля 2003 г.⁵⁷.

⁵⁵ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 326. Л. 10.

⁵⁶ Там же. Л. 11–11об.

⁵⁷ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 64. Л. 352.

Как отмечалось в «Бюллетене ТЦИК» от 25 января 1937 г. собрание граждан села Старый Куак Шугуровского района в числе 200 человек потребовало вновь открыть в селе церковную службу и направило соответствующее ходатайство властям. Власти отреагировали на это решение граждан соответственно. По приговору «тройки» 3 января 1938 г. в г. Бугульме была расстреляна Сергеева-Петрова Дарья Сергеевна (1900 г.р., жительница с. Старый Куак Шугуровского района, русская (мордовка), крестьянка, «БОЗ, религиозница, кулачка»). В 1931 г. она была осуждена по ст. 58–10 на 5 лет ИТЛ, наказание отбыла, в декабре 1937 г. её снова арестовали и обвинили в «бродяжничестве, КРД против мероприятий Соввласти». Сергеева-Петрова якобы «группировала антисоветские элементы и проводила нелегальные собрания, на которых извращала Сталинскую Конституцию, говорила: “Новая конституция разрешает верующим собирать свои сборища, надо ходатайствовать об открытии церкви, закрытой коммунистами”. Распространяла провокационные слухи и запугивала население Варфоломеевской ночью: “В эту ночь будут резать всех коммунистов и неверующих граждан”». Было признано, что она состояла «в контрреволюционной группе, руководимой осуждённым в 1937 г. по 1 кат[егории] попом Спиридоновым, распространяла антисоветские религиозные листовки»⁵⁸.

Упоминаемый в обвинении священник Спиридонов Иван Игнатьевич (1885 г.р., чуваш, имел 2 дочери, жил в д. Спиридоновка Шугуровского р-на ТАССР). В 1930 г. был осуждён на 3 года лишения свободы по ст. 58–10, наказание отбыл, 12 октября 1937 г. был арестован вновь по обвинению в том, что «по возвращении в деревню организовал контрреволюционную повстанческую группу из 7 чел. КРЭ (участники группы дорепрессированы), которая занималась распространением антисоветских повстанческих и пораженческих настроений с использованием в своей КРД тех или иных затруднений. Группа ставила своей задачей подготовку повстанческих кадров среди населения с расчётом, чтобы в случае войны направить эти кадры против Соввласти, организовав в её тылу вооруженное восстание». В протоколе нет сведений о признании вины. Спиридонов был приговорён 21 ноября 1937 г. тройкой НКВД ТАССР к ВМН по ст. 58–10 и расстрелян 2 декабря 1937 г. в г. Бугульме⁵⁹.

Какое же количество священнослужителей и церковнослужителей, а также церковного актива пострадало в Татарской АССР в годы «Большого террора»? На сегодня мы не имеем точных данных о количестве священнослужителей разных исповеданий в республике на середину 1937 г. Наиболее полные данные были представлены властям руководителями двух соперничающих православных епархий летом 1936 г., имеющих строгую иерархию, и потому чёткий учёт штатного и заштатного духовенства.

Так, по данным, представленным в ТатЦИК, летом 1936 г. в обновленческой Казанской Митрополии, делившейся на 4 епархии, служил 81 священнослужитель⁶⁰. Из них в ходе «кулацкой» операции было репрессировано 16 человек (ВМН – 13; 10 лет ИТЛ – 3), ещё четверо были арестованы в 1938 г. и осуждены в 1938–1940 гг. на различные сроки заключения – от 7 до 10 лет ИТЛ. Наконец, в августе 1938 г. был арестован сам обновленческий Митрополит Казанский Иеро-

⁵⁸ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 67. Л. 14.

⁵⁹ Там же. Д. 65. Л. 11.

⁶⁰ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 49. Л. 1–2об.

фей Померанцев, которого вместе с тремя поделщиками осудили на разные сроки заключения и ссылку, хотя трое из осуждённых, включая митрополита, были сексотами НКВД. Таким образом, по имеющимся на сегодняшний день данным в годы «Большого террора» обновленческая Казанская митрополия потеряла 22 священнослужителей из 81 (27,2 %), включая обоих епископов – митрополита и архиепископа, расстрелянного в 1937 г.

По данным, представленным в ТатЦИК летом 1936 г. Казанской епархией Московского патриархата (в официальной переписке они упорно именовались «тихоновцами», а не «сергианцами»), на июнь 1936 г. было всего «приходов – 197, клира – 405 человек. Епископ штатный – 1, на покойных епископов – 2. Священников штатных 220 (в том числе на вакансии псаломщиков – 2), заштатных – 135. Диаконов штатных – 25 (в том числе на вакансии псаломщиков – 6), заштатных – 13. Псаломщиков штатных – 6, заштатных – 3»⁶¹.

По данным той же Кулькомиссии Президиума ТатЦИК на 1 января 1936 г. в ТАССР также было 1555 мусульманских служителей культа против 4000 в 1917 г.⁶² Из 245 человек штатного духовенства Казанской епархии Московского патриархата в 1937–1938 гг. по нашим подсчётам было репрессировано 86 священнослужителей (35,1%), включая диаконов и иеромонахов на священнических должностях. Тройкой НКВД ТАССР в ходе «кулацкой» операции было репрессировано 80 человек: 61 человек из включённых в список, а также ещё 19 священнослужителей, в том числе заштатных, которых в списке указано не было. Всего было репрессировано не менее 105 священнослужителей Казанской епархии Московского патриархата.

Согласно данным С. Багавиевой (Хафизовой), почерпнутым из всё ещё засекреченного годового отчёта НКВД ТАССР, в 1937 г. «тройкой» НКВД ТАССР было репрессировано 123 представителя православного духовенства (чёрного и белого) и 88 мулл и муэдзинов⁶³. Поскольку, по нашим подсчётам, на последнем заседании 6 января 1938 г. «тройкой» НКВД ТАССР было осуждено ещё 22 представителя православного духовенства (чёрного и белого) и 6 мулл и муэдзинов, общее число репрессированных в ходе «кулацкой» операции священнослужителей должно достигнуть 229, не считая церковных старост и актива верующих, а также т. н. «сектантов», включая сторонников «ИПЦ-ИПХ» и «катакомбной церкви».

Согласно нашим подсчётам, «тройкой» НКВД ТАССР в ходе «кулацкой» операции было репрессировано 166 православных священно- и церковнослужителей, в том числе 87 священно- и церковнослужителей (ещё 9 – под вопросом), 16 священников-обновленцев, 24–25 монахов и монахинь, а также не менее 70 представителей актива верующих – лиц, которым вменялась в вину «религиозная агитация». Сторонники «ИПЦ-ИПХЦ», как они были определены в документах НКВД ТАССР, в этот список не включены.

⁶¹ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 49. Л. 134.

⁶² Там же. Л. 194.

⁶³ Багавиева С. Протоколы заседаний «Тройки» ГПУ-НКВД ТАССР как исторический источник (1929–1938 гг.) // Научный Татарстан. 2004. № 1–2. С. 165. Показательна разница в итоговых цифрах двух (очевидно, составлявшихся одновременно) отчётов НКВД ТАССР о количестве репрессированных им людей в ходе одной и той же операции НКВД. Разъяснить этот «казус» можно будет лишь после ознакомления с методикой учёта и отчётности НКВД СССР тех времён.

Из четверых заштатных епископов, были репрессированы трое: расстрелян живший недалеко от Казани в поселке Васильево заштатный епископ Рафаил (Гумилевский); расстрелян уволенный «на покой» митрополитом Сергием в 1930 г. другой заштатный епископ свщм. Иоасаф (Удалов), в начале 1920-х гг. фактически управлявший Казанской епархией в связи с тем, что митрополит Казанский и Свяжский Кирилл был арестован властями; заштатный епископ Иоанн (Братолюбов) был осужден на 10 лет ИТЛ. Был расстрелян управлявший в 1937 г. Казанской епархией епископ Никон (Пурлевский). Не был репрессирован только тяжело больной епископ Павел (Флеринский), управлявший Куйбышевской епархией и умерший в октябре 1940 г.

Сельскому духовенству вменялась в вину не только религиозная агитация, но и «связанные с нею» ходатайства о сохранении действующих и об открытии уже закрытых церквей, а также «противодействие коллективизации и раскулачиванию» и другим «мероприятиям партии и правительства в деревне» и тому подобные «контрреволюционные деяния», которые шли в общем русле обвинений для большинства селян, репрессированных в ходе «кулацкой» операции. Казанским же священнослужителям и бывшим монахам инкриминировалась «организация контрреволюционного Тихоно-Кирилловского церковного подполья, группировка вокруг себя в этих целях контрреволюционного церковного актива, систематическая антисоветская религиозная агитация и антисоветская деятельность». Так называемое «Тихоно-Кирилловское контрреволюционное подполье» якобы возглавлялось почти непрерывно пребывавшим с 1922 г. в ссылке митрополитом Казанским и Свяжским Кириллом (Смирновым), находившимся в оппозиции к правящему в РПЦ митрополиту Сергию.

Митрополит Кирилл исходил из того (февраль 1934 г.), что «... православно-му епископу или священнику необходимо воздерживаться от общения с сергианами в молитве. То же необходимо для мирян, сознательно относящихся ко всем подробностям церковной жизни»⁶⁴. Он считал Сергия узурпатором должности местоблюстителя Патриаршего престола, полагая, что тот не имел никакого канонического права занимать этот пост при жизни митрополитов Крутицкого Петра (Полянского), его самого (расстреляны осенью 1937 г.) и Агафангела Ярославского (умер в 1928 г.), назначенных Патриархом Тихоном своими местоблюстителями в порядке очередности на случай их ареста или смерти. Кирилл, кроме того, осуждал трусливо-примиренческую и оппортунистическую политику Сергия, никак не противодействовавшего антицерковной и антирелигиозной политике властей и даже выступавшего в её защиту в 1930 г. перед иностранными корреспондентами в то самое время, когда тысячи священнослужителей и церковных активистов подверглись репрессиям.

По нашим (неполным) подсчётам в ходе «кулацкой» операции было также репрессировано не менее 58 «сектантов»:

- 11 человек по обвинению в принадлежности к подпольным организациям и группам Истинно-православной церкви и Истинно-православных христиан (ИПЦ–ИПХ), приверженцев «катакомбной церкви»;
- 12 человек за принадлежность к секте «иоаннитов» либо причисленных к ней сотрудниками НКВД;

⁶⁴ Цит по: Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А.В. Журавский. М., 2004. С. 586.

– 11 священнослужителей и церковнослужителей–старообрядцев, в том числе лиц, репрессированных «за связь» с ними;

– 12 человек за принадлежность к общине евангелистов (5 человек в Аксубаевском районе, три человека в Алексеевском районе, по два человека в г.Казани и в Мамадышском районе);

– 2 баптистов, 6 пятидесятников, а также «сектантов-странников», «сектантов-антивоенников» и прочих – не менее 4 человек.

Таким образом, всего в республике было репрессировано не менее 219 последователей Христа.

В годы Большого террора были уничтожены все архиереи и практически все vicарные епископы, управлявшие Казанской епархией с 1920 г. Так, 20 ноября 1937 г. в г. Чимкент был расстрелян Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов), находившийся в ссылке в Казахстане. В Казани был расстрелян управлявший в 1937 г. Казанской епархией епископ Никон (Пурлевский). В октябре 1937 г. был расстрелян арестованный в феврале 1937 г. и этапированный в Ленинград архиепископ Казанский Венедикт (Плотников). 14 мая 1939 г. в ссылке умер архиепископ Казанский и Свияжский Афанасий (Малинин), управлявший Казанской епархией в 1924–33 гг., позднее в 1933–35 гг. – управлявший Саратовской епархией. 2 декабря 1937 г. был расстрелян находившийся в ссылке в Казахстане митрополит Казанский и Свияжский Серафим (Александров), управлявший Казанской епархией в 1933–36 гг., арестованный ещё в ноябре 1936 г. В августе 1936 г. был арестован, а в январе 1938 г. умер в заключении митрополит Анатолий (Грисюк), управлявший в 1934–35 гг. Харьковской епархией, в прошлом ректор Казанской Духовной Академии, епископ Чистопольский, vicарий Казанской епархии. В 1937 г. был расстрелян епископ Ириной (Шульмин), с 1929 г. епископ Елабужский, vicарий Казанской епархии; с 21 мая 1935 г. епископ Куйбышевский. В 1935 г. (временно?) епископ Чистопольский, управляющий Казанской епархией. Скорее всего, этот список не полон.

Большие и невосполнимые потери понесло также мусульманское духовенство республики. По нашим подсчётам по приказу № 00447 в 1937–38 гг. «тройкой» НКВД ТАССР было репрессировано не менее 78 мулл, муэдзинов, мухтасибов, мутавалеев и бродячих проповедников-мусульман. Отметим ещё раз, что эти подсчёты – неполные⁶⁵.

Как уже отмечалось, сельскому духовенству вменялась в вину не только религиозная агитация, но и «связанные с нею» ходатайства о сохранении действующих и об открытии уже закрытых храмов, а также «противодействие коллективизации и раскулачиванию», всем и всяческим «мероприятиям партии и правительства в деревне» и т. п. «к-р деяния». Рассмотрим такого рода дела на примерах репрессий против представителей мусульманского духовенства в Татарской АССР. Все обвинения приводятся по протоколам Тройки НКВД ТАССР.

Мулла д. Малая Атна Кзыл-Юльского р-на ТАССР Шакиров Бари («в 1918–1921 гг. член РКП(б), с 1921 г. мулла») был арестован 11 октября 1937 г. по обвинению в «проведении активной деятельности по обактивлению религиозно-

⁶⁵ С. Багавиева, опираясь на данные статотчёта НКВД ТАССР за 1937 г., даёт значительно большую цифру репрессированных – 88 мулл и муэдзинов за 1937 г. Возможно, в статотчёте учитывались и бывшие муллы, уже давно снявшие свой сан (Научный Татарстан. 2004. № 1–2. С. 165).

антисоветского фанатизма, ведении а/с религиозной пропаганды, дискредитации местных органов власти, оскорблении советского правительства, называя его врагами-грабителями. В день 8 марта сорвал женское торжественное собрание, организовав мытье мечети, вызвав до 20 женщин-колхозниц, под влиянием этого предупреждения остальная часть женщин села на собрание не явилась». «Тройка» НКВД ТАССР 29.11.1937 приговорила его к 10 годам ИТЛ по ст. 58–10⁶⁶.

Мулла д. Б. Цильна Буденновского р-на ТАССР Туктамышев Лутфулла (1886 г.р.; «кулак, мулла, БОЗ») в 1930 г. был раскулачен, от выселения скрылся в Донбасс. В 1934 г. вернулся в деревню и начал вести контрреволюционную агитацию, заявляя: «Соввласть нас грабит, отбирает последние самовары. Раньше при Николае ничего не брали, а тоже хвалите Соввласть, она приведёт всех к гибели». В 1935 г. он состоял в колхозе, при этом якобы «занимался вредительством, умышленно высыпал на землю зерно; в 1936 г. организовал верующих и не допустил закрытия мечети». В 1937 г. он был осуждён на 6 месяцев ИТР «за невыполнение гособязательств». Туктамышев был обвинён в том, что «являясь враждебно настроенным к Соввласти, сист. вел КРА на селе» и приговорён «тройкой» НКВД ТАССР к расстрелу⁶⁷.

Мулла-мухтасиб с. Старое Дрожжаное Дрожжановского р-на ТАССР Ахметов Садык (1874–1938; «имел кулацкое хоз-во с применением наёмного труда») был арестован 5 декабря 1937 г. по обвинению в «сист[ематической] АСА, в сопровождении провокационных измышлений о казнях над колхозниками, забывшими религию, призывах к верующим об обактивлении религиозного движения, рассылке по районам своих агитаторов, в результате чего в 1936–37 гг. по району было открыто 4 мечети и поставлено 8 мулл; дискредитировал Сталинскую Конституцию, распространял а/с провокации о голоде в колхозах, неизбежности войны и разрухи». Ахметов был приговорён 26 декабря 1937 г. «тройкой» НКВД ТАССР к расстрелу по ст. 58–10⁶⁸. Заметим, что в уже цитированном нами выше постановлении Президиума ТатЦИК от 16 июля 1937 г. об упущениях в антирелигиозной работе руководства Дрожжановского р-на говорилось только о двух вновь открытых мечетях, причём не указывались годы, когда это произошло, а это принципиально важно, поскольку в 1920-е гг. строить новые мечети в деревнях, согласно Постановлению Президиума ВЦИК от 9 и 28 июля 1924 г., разрешалось.

Мулла д.Копки Кукморского р-на ТАССР Усманов Шагимухамет (1870–1938) согласно протоколу «тройки» прежде «неоднократно штрафовался за злостные неплатежи; в 1930 г. за срыв плана весеннего сева был осуждён на 1,5 года л/свободы». Усманов был арестован 12 декабря 1937 г. по обвинению в «сист. АСА, сопровождавшейся всевозможными религиозными толкованиями из пророчеств Корана; вел пораженческую АСА о неизбежности гибели Соввласти, извращал в а/с религиозном духе Сталинскую Конституцию, призывал к обактивлению религиозного движения; дезорганизовывал колхозные работы, отвлекая верующих колхозников на моления». По приговору «ТатТройки» Усманов был расстрелян 5 января 1938 г. в Казани⁶⁹.

⁶⁶ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 66. Л. 13.

⁶⁷ Там же. Л. 170.

⁶⁸ Там же. Д. 67. Л. 254.

⁶⁹ Там же. Д. 68. Л. 41–42.

Мулла («кулак-мулла») с. Байрашево Апастовского р-на ТАССР Ахметзянов Зяббар (1881–1937) имел ещё большие прегрешения перед Советской властью. Согласно протоколам «тройки», он «в 1918 г. организовал избиение активистов и добровольцев РККА. В 1930 году находился под арестом 4 месяца за КРД, суду не предавался. В 1934 г. был осужден на 2 года л/св. по ст.61 УК». Ахметзянов был арестован 4 декабря 1937 г. по обвинению, что «по возвращении в деревню сист[ематически] проводил активную АСД, агитировал колхозников не голосовать за выдвинутые кандидатуры в Верховный Совет СССР, а надписывать в бюллетенях своих кандидатов; вел религиозной АСА, направленную к усилению религиозной фанатизма; имел регистрационную книгу ЗАГС, незаконно производя регистрацию рождений, смерти, браков. Пытался обрабатывать школьников в а/с религиозном направлении». Ахметзянов этих обвинений не признал, но по приговору «тройки» НКВД ТАССР был расстрелян 19 декабря 1937 г. в г.Казани⁷⁰.

Указной мулла (мулла с 1912 года) с. Каменный Брод Буинского р-на ТАССР Бикчантаев Казым (1883–1937) в 1935 г. был осуждён на 2 года по ст. 61 УК, наказание отбыл. 3 октября 1936 г. Бикчантаев был вновь арестован 6 августа 1937 г. по обвинению в «АСА, призывах не выходить на работу в колхозе в дни религиозных праздников», в результате такой агитации в декабре 1936 г. «по существу встало все колхозное производство и даже дети верующих (37 из 40) не пришли на занятия в школу... вёл повстанческой агитации; говорил: “Вот у нас 1000 душ, из них не найдешь 5 человек, которые были бы довольны Сов.властью, все желают скорейшей ликвидации Сов.власти... О построении социализма сейчас могут говорить только глупцы. С объявлением войны в тылу начнется восстание против Сов.власти, колхозы развалятся”, колхозники присоединятся к общему движению; социализма им не построить». По приговору Тройки НКВД ТАССР Бикчантаев был расстрелян⁷¹.

Значительная часть обвинений репрессированных состояла в «антисоветском извращении» Конституции СССР 1936 г. Так, мулла с. Верхний Пшалым Арского р-на ТАССР Файзуллин Салыхутдин (1882–1937; «до революции крупный торговец мануфактурой и хуторянин, имел 10 га своей земли; после революции – мулла») был осуждён в 1931 г. по ст. 58–10 ч.2 и ст. 58–11 как «участник кулацко-мулльской группировки» Тройкой ГПУ ТАССР к расстрелу с заменой на 10 лет лишения свободы. В 1934 г. он был освобождён досрочно по инвалидности. В 1936 г. вновь осуждён по ст.61 УК на один год ИТЛ. Файзуллин в очередной раз был арестован 12 декабря 1937 г. по обвинению в том, что «будучи антисоветски настроен, по возвращении из ИТЛ возобновил свою КРД, группируя вокруг себя неустойчивый элемент села, вел КРА против Сталинской Конституции, утверждая, что “на основании новой конституции никто не имеет права запрещать молитву, поэтому надо вести агитацию среди колхозников, чтобы они своих детей воспитывали в духе религии”, используя её, организовал религиозное обучение детей школьного возраста, распространял слухи о войне, высказывал пораженческие настроения, активно противодействовал коллективизации». Обвинения эти

⁷⁰ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 66. Л. 74.

⁷¹ Там же. Д. 58. Л. 161; НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 982. Л. 199об, 200–201.

Файзуллин не признал. По приговору «тройки» он был расстрелян 2 ноября 1937 г. в Казани⁷².

Мулла с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР Ахтямов Садриислам (1883 г.р., лишенец (1929); «кулак-мулла») в 1930 г. был осуждён на 6 месяцев ИТЛ «за саботаж хлебозаготовок». 30 января 1933 г он был арестован вновь и осуждён 13 декабря 1933 г. КОГПУ на срок предварительного заключения по ст. 58–10 и 58–11. Ахтямов был в очередной раз арестован 4 декабря 1937 г. по обвинению в том, что «истолковывал в извращенном духе Сталинскую Конституцию как “закона, изданного для усиления и укрепления религии”. В 1936 г. организовал большую толпу женщин и, лично предводительствуя, пытался оказать вооруженное сопротивление разлому и сносу здания мечети, при этом некоторые женщины пускали в ход топоры. Через своего сына-школьника привлекал в мечеть детей-школьников. Занимался знахарством, в результате чего один ребенок умер. Во время подготовки к выборам, агитировал вычеркивать в бюллетенях всех кандидатов». Обвинений Ахтямов не признал. По приговору «тройки» НКВД ТАССР он был расстрелян 26 декабря 1937 г. в Казани⁷³.

Жители д. Старый Баран (Иске Рязяп) Кузнечихинского р-на ТАССР муллы Нугаев Хусайн (1888–1938) и Миндубаев Закир (1887–1938) были арестованы 6 декабря 1937 г. по обвинению в том, что «группируя вокруг себя кулацкий а/с элемент, используя религиозные предрассудки верующих, систематически вели антиколхозную АСА, распространяли провокационные слухи о неизбежности свержения Соввласти, извращали Сталинскую Конституцию, формировали религиозно-фанатическое движение, агитируя, что согласно ей нужно восстанавливать закрытые мечети, возвращать раскулаченным имущество; призывали на выборах вычеркивать из бюллетеней имеющих кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР и вписывать вместо них кандидатов из мусульманского духовенства». По приговору «тройки» они были расстреляны 18 января 1938 г. в г. Куйбышев ТАССР⁷⁴.

Житель д. Копки Кукморского р-на ТАССР Шарафутдинов Султан-Ахмет (1894–1938, «кулак-мулла») в 1932 г. был осуждён по ст.61 УК на один год ИТЛ. В этот раз он был арестован по обвинению в систематической АСА, направленной «к созданию и усилению религиозного фанатизма среди колхозников», а также за распространение антисоветских религиозных толкований, за то, что якобы Магомет призывал народ к организации колхозов, предоставлении женщинам равных с мужчинами прав, «извращал в а/с понимании Сталинскую Конституцию, заявляя, что Магомет давным-давно предусмотрел в своих пророчествах и провёл в жизнь всё то, что предусмотрено в Конституции СССР», и за то, что «организовывал нелегальные сборы средств на укрепление религиозного движения». По приговору Тройки НКВД ТАССР Шарафутдинов был расстрелян 16 января 1938 г. в Казани⁷⁵.

На заключительном этапе «кулацкой» операции частыми стали обвинения в противодействии выборам в Верховный Совет СССР, состоявшимся 12 декабря 1937 г. Так, мулла д. Уразаево Кукморского района ТАССР Архамов Хазип (1884–

⁷² Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 63. Л. 121; НА РТ. Ф. Р-6948. Оп. 1. Д. 924. Л. 169.

⁷³ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 67. Л. 90.

⁷⁴ Там же. Л. 179.

⁷⁵ Там же. Д. 77. Л. 165.

1937) 3 декабря 1937 г. был арестован по обвинению в том, что «используя религиозной предрассудки верующих, наряду с религиозной пропагандой, вёл сист. АСА, направленную на срыв подготовительной работы по выборам в Верховный Совет СССР и самих выборов, призывал население не голосовать за т. Сталина. Назначал религиозные моления в мечети на то время, на которое назначались собрания по проработке положения о выборах в Верховный Совет СССР. Путём распространения а/с религиозных толкований из Корана – призывал население к обактивлению религиозного движения». По приговору «тройки» НКВД ТАССР Архамов был расстрелян 22 декабря 1937 г. в Казани⁷⁶.

Мулла («кулак-мулла») с. Байрашево Апастовского р-на ТАССР Ахметзянов Зяббар (1881–1937) имел ещё больше прегрешений перед властью. Согласно протоколам «тройки» он «в 1918 г. организовал избиение активистов и добровольцев РККА. В 1930 г. находился под арестом 4 мес. за КРД, суду не предавался. В 1934 г. был осуждён на 2 года л/св. по ст. 61 УК». Ахметзянов был арестован 4 декабря 1937 г. по обвинению в том, что «по возвращении в деревню сист. проводил активную АСД, агитировал колхозников не голосовать за выдвинутые кандидатуры в Верховный Совет СССР, а надписывать в бюллетенях своих кандидатов». По приговору Тройки НКВД ТАССР Ахметзянов был расстрелян⁷⁷.

Мулла-мухтасиб д. Кучуково Агрызского р-на ТАССР Фаттахов Рауф, 1886 г.р., «в 1932–33 г. привлекался по ст. 58–10, был арестован, суду не предавался», затем был вновь арестован 11 октября 1937 г. по обвинению в том, что «имея большой круг связей с муллами по Агрызскому р-ну, г. Ижевску и с ЦДУМ, проводил активную КРД, среди населения вёл религиозную пропаганду и призывал к сбору средств в пользу ЦДУМ. Сист. вёл пораженч. АСА о неизбежности гибели Соввласти, сопровождая её восхвалением военной мощи фашистских государств. В марте 1937 г. высказывал к-р клевету об экон. положении колхозников, заявляя: “При Соввласти никогда радостной жизни не дождешься”. В январе 1937 г. вел среди населения пропаганду за то, чтобы на выборах в Советы избирали служителей религиозного культа». Обвинений Фаттахов не признал. «Тройка» НКВД ТАССР по ст. 58–10 приговорила его 10 ноября 1937 г. к 10 годам ИТЛ⁷⁸.

Таким образом, согласно отчёту НКВД ТАССР в ходе «кулацкой» операции (только по приказу НКВД СССР № 00447) было осуждено 370 представителей «православного и мусульманского духовенства, церковников и сектантов», из них 281 человек (75,9%) был расстрелян, 89 человек (24,1%) осуждены на срок от 8 до 10 лет ИТЛ. В Казани было репрессировано 125 человек (33, 78%)⁷⁹.

В 1937–1938 году в Татарской АССР были репрессированы сотни священнослужителей и церковнослужителей, а также верующих мирян. Необходимо добавить, что имеющаяся (неполная!) статистика жертв политических репрессий среди священнослужителей и церковнослужителей имеется только по пресловутой 58-й статье УК, но часть из них репрессировалась и по общеуголовным статьям, включая ст. 122–127 Главы IV УК РСФСР о «Нарушении правил об отделении церкви от государства». Под натиском растущего политического давления и преследова-

⁷⁶ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 66. Л. 98.

⁷⁷ Там же. Л. 74.

⁷⁸ Там же. Д. 64. Л. 155.

⁷⁹ Степанов А. Ф. Расстрел по лимиту. Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999. С. 86.

ний часть священнослужителей официально отказывалась от сана и переставала вести службу в храмах. По данным аппарата Президиума Верховного Совета ТАССР к лету 1939 г. в республике насчитывалось свыше 800 служителей культа, причём большинство из них не было официально зарегистрировано местными властями и, следовательно, не облагалось подоходным налогом, согласно постановлению СНК ТАССР от 28 января 1939 г. В связи с этим 20 июня 1939 г. было принято специальное постановление Президиума Верховного Совета ТАССР, а 29 августа 1939 г. директива совнаркома ТАССР об учёте на местах молитвенных зданий, священнослужителей и обложении последних подоходным налогом⁸⁰. Таким образом, наступление на веру и верующих продолжалось. Не исключено, что в некоторых сёлах республики уцелевшие священнослужители ещё и перед войной продолжали отправлять службы в ещё не закрытых или полузакрытых церквях и мечетях. В глубоком подполье действовали представители «катакомбной церкви», аресты и осуждения которых зафиксированы вплоть до конца 1950-х гг.

Из 1890 мечетей и 680 церквей, действовавших к моменту революции, к 1 апреля 1939 г. по официальным данным физически выбыло из строя (сгорело, было сломано, разобрано по ветхости и т. д.) 16 мечетей, официально было закрыто 1009 мечетей, считалась действовавшей 681 мечеть и 184 мечети не действовали, хотя и не были официально закрыты. Из 680 церквей к 1 апреля 1939 г. физически выбыло из строя 48, было закрыто 369 церквей, не действовали 178 и считались действовавшими 85 церквей. На деле действовавших храмов было значительно меньше. Так, в Казани в начале 1939 г. будто бы действовали четыре церкви, на деле – две. В Нурлатском районе ТАССР из 49 церквей и мечетей официально закрыты были 27, остальные 22 храма просто бездействовали, служба в них не велась. Та же картина была в соседнем Тетюшском районе – не действовали или были официально закрыты 29 храмов. В Ютазинском районе 32 храма были закрыты официально, остальные 6 мечетей «фактически не функционировали». В Бондюжском районе считались действовавшими две мечети, но, согласно отчёту районных властей, при них не было священнослужителей, и в этих мечетях лишь изредка творили намаз местные деревенские старики⁸¹.

Приведённые по Татарской республике данные вполне согласуются с выводами исследователей истории православия, согласно которым к 1939 г. в СССР церковная организация была разгромлена, а подавляющее большинство из тех священнослужителей, которые остались в живых, находились в тюрьмах, лагерях и ссылке. Было расстреляно более 100 архиереев, десятки тысяч священнослужителей. Всё это невосполнимо понизило нравственный уровень общества, привело его в состояние духовного разложения.

Литература:

- Багавиева С.* Протоколы заседаний «Тройки» ГПУ-НКВД ТАССР как исторический источник (1929–1938 гг.) // Научный Татарстан. 2004. № 1–2.
- Журавский А.* Жизнеописание новых мучеников Казанских, год 1918-й.: Матер. к истории Казанской Церкви XX в. Казань, 1995. Сб. 1.

⁸⁰ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 13. Д. 96. Л. 286–289.

⁸¹ Там же. Л. 294–295, 297, 329, 331, 426.

Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999.

A.F. Stepanov

**THE MASS REPRESSIONS AGAINST CHRISTIANITY (AND ISLAM)
IN TATAR AUTONOMOUS REPUBLIC IN 1937-1938 (THE GREAT
TERROR)**

Summary

Author researches mass repressions against Christianity, Islam in Tatar autonomy mainly in 1937. In 1929–1930 about 60 % temples were closed down. The Great Terror took away (expelled) 35% of clergy only as counter-revolutionaries. 75 % of churchmen, convicted by NKVDs «troika», were executed. Only one church and 35 mosques functioned in the beginning of 1942 (1,3 % to 1929).

Keywords: the Orthodox Church, Tatar autonomy, repressions, closed down temples, the Great Terror, NKVDs «troika», convicted, murdered clergy
